К 380-ЛЕТИЮ НОВОКУЗНЕЦКА

ТВОРЧЕСТВО Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Тезисы III межрегиональной научно-практической конференции

Издательство "Кузнецкая крепость"
Новокузнецкий литературно-мемориальный
музей Ф.М. Достоевского

художников", викторину на страницах периодической печати. Но главным событием юбилейных торжеств стало открытие новой уникальной экспозиции в мемориальном доме-музее. В основу ее легла идея отражения "Кузнецкой коллизии" писателя в триедином аспекте: событийном, творческом и философском. Поэтому апофеозом музея, связующей нитью всех залов стала дневниковая запись, сделанная Ф. М. Достоевским на следующий день после смерти Марии Дмитриевны, где писатель исходя из анализа своей собственной жизни, рассуждает об извечном противоборстве в душе человеческой эгоистического начала и жертвенности, стремления к идеалу, которые пронизывают все отношения между людьми, и в особенности - семейные. Проблемы, которые он стремится здесь уяснить - что есть человек на земле, возможно ли возлюбить ближнего, как самого себя, по заповеди Христовой, каковы пути дальнейшего развития человеческого общества остаются актуальны и сегодя. И каждое поколение, каждый человек, пока существует род человеческий, будут решать их для себя вновь и вновь.

Таким образом, экспозиция музея, разрывая житейский ритм времени, как бы "развертывает" перед посетителем "кузнецкую коллизию" писателя в ее вневременном, вечном для культурного сознания значении. Она обращена и к интеллекту, и к жизненному опыту посетителя, который может получить здесь свободу выбора из неограниченного круга проблем, темы для своих размышлений, для поиска собственных ответов на волнующие его вопросы. Музей лишь предоставляет имеющиеся у него "инструменты", источники, условия для творчества, дает каждому посетителю возможность, не навязывая уже имеющихся версий, формировать свое понимание событий, имевших место в действительности, свое отношение к ним и к тем проблемам, которые волновали писателя в жизни и нашли свое выражение в его творчестве и мировоззрении.

В. Тогулев
Сотрудник ВООПИКа, г. Кемерово

РУКОПИСЬ В. И. ШЕМЕЛЕВА "ССЫЛКА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СИБИРЬ И ЕГО ПОЕЗДКА В КУЗНЕЦК" И ЕЕ МЕСТО В ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИИ

Названная рукопись была написана в Новосибирске 27 февраля 1935 г. В сильном сокращении она впервые была опубликована в 1991 г. в газете "Кузбасс", а впервые полностью воспроизведена в книжке "Загадки Провинции", вышедшей в 1996 г. под эгидой новокузнецкого литературно-мемориального музея. Сама рукопись хранится в новосибирском госархиве и снабжена авторским автографом и датировкой. Можно предположить, что первоначально рукопись готовилась для "Сибирской

Советской Энциклопедии" - на это наталкивает особый, свойственный для справочных изданий способ построения материала, традиционно завершающийся списком рекомендуемой литературы (что для творчества В.И. Шемелева в целом не было характерно, если судить по другим его рукописям). Однако в IV томе ССЭ рукописи Шемелева не оказалось, хотя Шемелев был среди авторов наиболее значительных статей Энциклопедии.

Чрезвычайно интересен раздел рукописи, посвященный собственно Кузнецку. Он выдержан в тоне жесткой полемики с "местными краеведами". Сильным нападкам подверглись местные "достоевсковеды" кузнечане Валентин Булгаков, Дмитрий Ярославцев, семипалатинец Борис Герасимов и новосибирский литератор В. Зазубрин. Так, Зазубрин критикуется за то, что в своем очерке растиражировал версию Ярославцева о длительном пребывании Достоевского в Кузнецке. Булгаков же задевается просто "походя" - ровно никаких доводов в пользу своего вывода о "неверности" сведений, сообщаемых Булгаковым, Шемелев не дает.

При внимательном чтении рукописи убеждаешься, что ничего особо ценного рукопись Шемелева не содержит. В ней нет никаких ранее не известных данных, нет ссылок на архивы; поскольку все использованные материалы к моменту сочинения рукописи были давно на слуху, она носит скорее научно-популярный характер. Не нова была и критика Ярославцева: исследователь Борис Герасимов еще за 8 лет до Шемелева оспаривал данные Ярославцева, но в куда более деликатной форме. Кстати, самому Герасимову тоже не повезло: Шемелев называет неверной информацию Герасимова, что венчание Достоевского произошло в Богородской церкви г. Кузнецка, тогда как, по сведениям Шемелева, церковь называлась Одигитриевской. Это место в рукописи Шемелева приходится признать наиболее слабым: церковь можно было назвать и так, и эдак: полное ее название - Одигитрии Божией Матери (или Одигитрии Богородицы), так что, как и в случае с нападками на Валентина Булгакова, критика такого яркого представителя раннего сибирского достоевсковедения, каким был Борис Герасимов, кажется сегодня странной.

Столь же неосторожными выглядят попытки односторонне подойти к сведениям, собранным Ярославцевым, - пусть эти сведения были неверными, но это вина не столь Ярославцева, сколько его информаторов: за давностью лет старожилы могли спутать Достоевского с каким-либо другим писателем, а их сведения причудливо наложиться друг на друга, что никак, однако, не снижает самой ценности и полезности сообщаемых ими фактов, ибо любое свидетельство полезно по определению, а Ярославцев лишь добросовестно пересказал бытовавшие в те поры "легенды".

Взятые вкупе, местные исследователи: Булгаков, Герасимов, Ярославцев и литератор Зазубрин, сумели поднять тему местного достоевсковедения на газетный и журнальный уровень, ценность Ярославцева, как "фиксатора" и собирателя воспоминаний о Достоевском и иных сколков прошлого, также неоспорима, равно нельзя не отметить, что Борис Герасимов и Валентин Булгаков в своих поисках использовали и документы местных архивов. Шемелев как исследователь-достоевсковед выглядит гораздо слабее на фоне этих представителей местной краеведческой мысли: он не использует ни архивов, ни новых воспоминаний и, к тому же, не в состоянии был "пробить" в печать свой взгляд на актуальные проблемы достоевсковедения: как уже сказано, рукопись его увидела свет лишь недавно.

Впрочем, еще следует доказать, что рукопись Шемелева предназначалась для публикации (мы бы не спешили об этом заявлять так категорично, как это сделано в недавно выпущенной брошюре А. Халиулиной "Земля Кузнецкая в летописях и трудах ученых", причем без ссылок на архивный документ); никто за давностью лет не сможет точно сказать, готовилась ли его рукопись к печати или записи велись "просто так", для себя, и мы не можем вынести полноценного мнения о ней, не зная точно, в какой стадии завершенности она находилась. Нельзя сбрасывать со счетов и время, когда готовилась рукопись: в 1935 г. за одно только упоминание (даже в негативном смысле) имен бывшего священника Б. Герасимова, бывшего дворянина В. Булгакова или "неблагонадежного" писателя Зазубрина (уже тогда подвергавшегося резкой критике в печати) автора могли привлечь к ответственности и обречь на долгое забвение, что, в конце концов, и случилось с Шемелевым, но только двумя годами позднее, когда был изъят из печати основной труд его жизни - "История Кузбасса". Так что окончательный "вердикт" в отношении рукописи Шемелева, думается, выносить еще рано; само ее появление, тем не менее, говорило о начале упадка местного достоевсковедения, которое с середины 30-х гг. претерпевает очередной кризис...